

УДК 882 (09)

А.Ш. Махмадназарова.

**«ПЛАЩ ЦВЕТА ВРЕМЕНИ И СНОВ» – В ПЬЕСЕ
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «МЕТЕЛЬ»**

В данной статье рассматривается одна из первых пьес Марины Цветаевой «Метель», написанная в 1918 году. Дается отношение Марины Цветаевой к миру со всеми ее сложностями и противоречиями через Даму в плаще. «Плащ цвета времени и снов»- явился эпитафией к ее пьесам. «Метель» - начало ее драматургии.

«Плащ, шаловливый, как руно,
Плащ, преклоняющий колена,
Плащ, уверяющий: темно!
Гудки дозора. –Рокот Сены.
Плащ Казановы, плащ Лозэна.
Антуанэтты домино!»

Так прозвучал пролог к пьесам, некоторые вскоре действительно будут написаны. И самая первая из них –«Метель», где Марина Цветаева еще только изучает, пробуя на слух, на ощупь, на вес драматическую структуру.

Все это она делает легко, непринужденно, с блеском. В пьесе диалог развивается в непрерывном движении, ничем не отяжеленный, ничто не отвлекает говорящих от дела, ничто не замедляет темпа. Переброска реплик ловка и ограничена необходимым. На проверку выходит, что дебютант вообще прирожденный драматург.

Несмотря на желание увидеть «Метель» на сцене, Цветаева долго не решалась познакомить с этой пьесой студийцев. Чтение ею «Метели» состоялось лишь примерно год спустя после написания. В «Повести о Сонечке» Цветаева вспоминает о первом чтении пьесы, в пустом театре, на полной сцене»: «Чтение <...> вещи перед лицом всей Третьей студии <...> и, главное, перед лицом Вахтангова, их всех – бога и отца – командира <...>

Яркая сцена и черный зал.

С первой секунды чтения у меня запылало лицо, но – так, что я боялась – волосы загорятся, я даже чувствовала их тонкий треск, как костра перед разгаром.

Читала – могу сказать – в алом тумане, не видя тетради, не видя строк, наизусть, на авось читала, единым духом – как пьют! – но и как поют! – самым певучим, за сердце берущим, из своих голосов.

...И будет плыть в пустыне графских комнат

Высокая луна.

Ты – женщина, ты ничего не помнишь.

Не помнишь...

(настойчиво)

Не должна

Страннице – сон.

Страннику – путь.

Помни! – Забудь.

(она спит. За окном звон безвозвратно удаляющихся бубенцов).

Когда я кончила – все сразу заговорили. Так же *полно* заговорили, как я – замолчала. – «Великолепно! – Необычайно! – Гениально! – Театрально! – т.д.

<...> Вот только - кто будет играть Даму в плаще?

<...>»

(Я, молча: Дама в плаще – моя душа, ее никто не может играть).

Все говорили, а я пылала. Отговорив – заблагодарили. – «За огромное удовольствие... За редкую радость... <...> наконец он: Господин в плаще: - <...> Даму в плаще может играть только Верочка. Будет играть только Верочка».

Она стояла в оцепенении, окаменевшая, когда пришла в себя, увидела, что осталась на сцене одна, все разошлись. Цветаева поняла, что сцена «Метели» повторилась опять, но уже здесь, в жизни реальной. И главную роль, свою душу – Даму в плаще ей пришлось играть самой. «Бог» и студийцы разложили ее душу также по ролям, как и в харчевне торговец и охотник по плащу

Торговец и охотник по плащу:

Знатная, видимо, госпожа:

Может - графиня,

Может – княгиня,

Может инкогнито – герцогиня.

Чего ждала Марина Цветаева тогда, пылая на сцене, и открывая свою душу тому, кого она считала богом? Да, она поняла, что не только сыграть на сцене Даму в плаще невозможно, но и то, что душа – увы! – тонкая материя бытия и, видимо, в силу ее хрупкости не слишком часто встречающаяся в жизни.

-Выпьем за женщину без плаща!

И что она, с одной стороны, есть высочайший продукт кристаллизации многовекового опыта человечества, самое человеческое в человеке, с другой же, – она чрезвычайно уязвима, легко разрушаема неблагоприятными внешними обстоятельствами

Дама

Хрусталь Богемии

Господин

Глядеть – как сталь

А разбивается.

Дама.

На то и тонок.

Душа Марины Цветаевой – Хрусталь Богемии (корень Бог) – хрусталь Бога была открытой для всех, ведь недаром она отмечает, что ее Дама в распахнутом плаще, и в то же время, далеко не каждого впускающей в себя. В этом и была уникальность Марины Цветаевой. Часто задают вопрос один и тот же: «Какой она была?» Какой! И понимая всю безнадежность ответа, все же – трудной! Трудной и родной. Но не от тех разных – разная, с кем она, а от себя самой разная, какая она.

Она всегда была очень сосредоточена, углублена в себя, в свой собственный мир, неведомый и недоступный другим. Гигантская работа мыслей и чувств шла в ней непрерывно, и казалось, даже ночью ей не может быть покоя:

Дама.

Сию и думаю: зачем на свете ветер?

Зачем ему сейчас лететь и дуть?

То напряжение, в котором Цветаева постоянно находилась, невольно передавалось окружающим. Как бы за глухой, непроницаемой для слуха, для глаза стеной ощущалось биение океана, его приливы и отливы, штить, шторм, нарастание баллов. Марина Ивановна всецело была подчинена законам не внешнего, а этого своего внутреннего мира, и потому казалось, что и глаза ее, не тутошние какие-то, смотрят не вовне, а вовнутрь, в нее самое.

Господин

(любуясь)

как застоявшийся арабский конь!

И в простоте своей – Змеи премудрей!

-Посторонитесь! Обожжете кудри!

Дама

Не беспокойтесь! Я сама – огонь.

Господин

(задумчиво)

огонь и лед... а все ж следы забот!

На вашем лобике, Огонь и Лед!

И губ углы, опущенные эти...

Огонь и лед – вот такая она душа у Марины Цветаевой. «Метель» - пьеса интеллектуальная, то есть такая, в которой не столько действуют люди, сколько ведут между собой диалог идеи. Старуха представляет точку зрения XVIII века. Она настойчиво рассказывает о внешних формах галантной, изящной жизни. Для старухи настоящий мир дурен:

... Скверные нынче пошли дела!

Даже на солнце глядеть не люблю.
Розы не пахнут, не греют шубы...
А кавалеры – то стали грубы!
Иных речей и в толк не возьму!
Не согласны с ней торговец, он отстаивает взгляды сегодняшнего мира:

Это, сударыня, как кому...
Были бы только у волка зубы.

Только Дама в плаще молча глядит в метель. Иные вопросы волнуют ее. Прошлое для нее не «кружева и кудри», не «пряжки на туфлях из диамантов», а, прежде всего, оно живет в переключке с собственной жизнью. Поэтому и дарит торжественно старуха Даме подарок короля – кольцо с диамантом, как бы передавая ей самое лучшее, самое дорогое, самое сокровенное, что осталось у нее от XVIII века. И, как выполнившая свой долг перед своей прошедшей эпохой, она сразу остается в кресле недвижна. Дама в плаще встретила своего Господина, первая услышала слабый звон бубенчиков. Она ведь все время смотрела в метель и ждала кого-то или что-то с самого начала. Ждала, стоя у окна, не ела и не спала, боясь пропустить какое-то чудо мимо себя. И вот он пришел новогодний поздний гость – Господин в плаще, Князь Луны, Ротонды кавалер и Рыцарь Розы. Она не знает из какой эпохи он, из какого века, откуда и куда. Но знает точно это, тот кого она ждала. Душа наклонилась к душе. Чужая? Нет, не чужая, близкая, родная:

Дама
Где и когда уже встречала вас?
Я где-то видела ваш взгляд, я где-то слышала ваш голос...

И от того, что не чужая, родная, близкая, Господин «как рассказывает сказку», продолжил исповедь ее судьбы:

«Вся Ложь звала тебя назад,
Вся Вьюга за тебя боролась.

И от того, что не чужая, близкая, родная, она может, положив головку на его грудь» - дать волю своим слезам. Нет, она не боится метели – эпохи, боится пустоты в душе, она сегодня поняла, что нет любви. А любовь – это сила большая, чем метель – эпоха:

Моя броня – Любовь, и с нею в путь
Любой пушусь – во всякую погоду!

Так и получилось в жизни Марины Цветаевой. С любовью она пустилась в путь, уехала за границу следом за Сергеем Эфроном, которого она боготворила.

Цветаева писала свою пьесу «Метель» в 1918 году, но действие переносит в ночь на 1830 год. Да, она могла быть одновременно, и во вчера и в завтра, где-то на погосте в Тарусской деревеньке и возле Нотр-дам, и в лесах Богемии, и в Карфагене! Она умела смотреть на мир со стороны и судить о нем. Но одновременно ее душа - часть этого мира, живет в нем, мыслит и чувствует в унисон с этим миром. Время как бы поднимается над Землей, оставляя человечеству вечные вопросы, на которые каждый век отвечает по-своему, так как каждая эпоха формирует свое особенное мышление, над которой мы не во всем властны. Картина эпохи может выглядеть особенно сдвинутой, если наблюдать ее сквозь творчество Марины Цветаевой, под ногами,

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

которой, казалось, гнулась земля . она была какой-то соразмерной и своему времени, и всем прочим временам. И ее не воспринимаешь как нечто вечное. Она просто современна, хотя с тех пор, как ее не стало, прошло более шестидесяти лет. И каких лет! Но во все времена потребно было особое созвучие души, мечтать о том, что не вяжется с суровым временем, с метелью – эпохой, верить в тепло, в тишину, в спокойствие души, когда на улице метель, летит и дует ветер. «Метель» заканчивается сном в комнате и звоном безвозвратно удаляющихся бубенцов. И женщина юная спокойно и мирно спит, так как выплакала все, что было так тяжело на душе, выплакала тому, кто ее понял, и успокоил.

Господин, уходя, вздымает голову – кому-то:

Освободи! Укрепи!
Дай ей Свободу и Силу!
-Юная женщина, спи!

Дальше не хочется что-то говорить, боясь спугнуть мирно уснувшую Даму. Ей очень тепло (не от дров, которые она велела принести), ей очень легко, так как осталась вера в то, что завтра с Новым годом придет к ней Свобода и Сила и будет все хорошо – ведь этого хотел Господин в плаще, И этого желала сама Марина Цветаева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антокольский П. Театр Марины Цветаевой. –М., 1988.
2. Белкина М. Скрещение судеб. –М., 1992.
3. Павловский А. Куст рябины. –М., 1989.
4. Михайлова С.Ю. О творчестве Марины Цветаевой. //Начальная школа, №10. –М., 1997.
5. Цветаева М.И. Воспоминания. –М., 1983.